

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ОНТОЛОГИЯ АВТОНОМНЫХ ЗОН

Д. Б. Поляков

Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, Чита, Россия
e-mail: poldmit89@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание концепции временных автономных зон (ВАЗ), предложенной американским анархистским мыслителем и поэтом Хаким Беем (настоящее имя – Питер Ламборн Уилсон, 1945–2022) и достаточно слабо представленной в русскоязычных научных публикациях. Освещаются политические и интеллектуальные контексты, в рамках которых была сформирована и сформулирована эта концепция, а также ее онтологические корни, теоретизированные самим Хаким Беем. Представлен краткий обзор основных положений указанной концепции, критическая реакция на нее со стороны других анархистских авторов (М. Букчин), а также контраргументация теоретиков постанархизма Р. Ф. Дзя и С. Ньюмана. Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что текущие тенденции нестабильности и нелинейности, которые фиксируются как в современной постнеклассической картине мира (отражающейся в философии), так и в текущей глобальной политике пусть и не тождественны, но определенным образом коррелируют с анархистскими подходами к пониманию реальности вообще и политической реальности в частности. Целью статьи является попытка встроить понятия онтологической анархии и автономных зон, разработанные Беем в 80-е гг. XX в., в контекст новейших теоретических подходов в области онтологии, а именно тех, что представлены спекулятивным материализмом К. Мейясу, объектно-ориентированной онтологией (онтикологией) Л. Р. Брайнта и акторно-сетевой теории Б. Латура. Этим же определяется и научная новизна настоящей работы, достигаемая при помощи методов историко-философского описания и сравнительного анализа, а также благодаря привлечению ряда редких англоязычных источников, посвященных научному рассмотрению творчества Хаким Бей. К результатам работы можно отнести выявление теоретических подступов к разработке и артикуляции анархистской политической онтологии, с которой могут быть связаны дальнейшие направления научных исследований. Кроме того, в качестве вывода очерчиваются те нюансы концепции автономных зон, которые кажутся наиболее актуальными именно на сегодняшний день.

Ключевые слова: автономные зоны, ВАЗ, онтологический анархизм, постанархизм, контингентность.

Для цитирования: Поляков Д. Б. Политическая философия и онтология автономных зон // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 1. – С. 87–94. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-1-87>.

Original article

THE POLITICAL PHILOSOPHY AND ONTOLOGY OF AUTONOMOUS ZONES

D. B. Polyakov

Zabaikal Railway Transport Institute, a branch of Irkutsk State Transport University, Chita, Russia
e-mail: poldmit89@mail.ru

Abstract. The article reveals the content of the Temporary Autonomous Zones' conception (TAZ), proposed by the American anarchist thinker and poet Hakim Bey (real name – Peter Lamborn Wilson, 1945–2022) and rather poorly represented in Russian-language scientific publications. The political and intellectual contexts within which this concept was formed and formulated, as well as its ontological roots, theorized by Hakim Bey himself, are highlighted. A brief overview of the main provisions of this concept, a critical reaction to it from other anarchist authors (M. Bookchin), as well as counterarguments by post-anarchist theorists R. F. Day and S. Newman are presented. The relevance of this work is due to the fact that the trends of instability and non-linearity, fixed both in the modern post-non-classical world picture (reflected in philosophy) and in current global politics, though not identical, but in a certain way correlate with anarchist approaches to understanding reality in general and political reality in particular. The purpose of this article

is attempt to incorporate the concepts of ontological anarchy and autonomous zones, developed by Bey in the 80s of the 20th century, into the context of the latest theoretical approaches in ontology, namely those presented by Q. Meillassoux's speculative materialism, L. R. Brynt's object-oriented ontology (onticology) and B. Latour's actor-network theory. This also determines the scientific novelty of this work, achieved by methods of historical and philosophical description and comparative analysis and also thanks to the involvement of a number of rare English-language sources devoted to the scientific consideration of the work of Hakim Bey. The results of the work include the detection of theoretical approaches to the development and articulation of an anarchist political ontology, which may be associated with further areas of scientific research. In addition, as a conclusion, those nuances of the concept of autonomous zones that seem to be the most relevant today are outlined.

Key words: autonomous zones, TAZ, ontological anarchism, postanarchism, contingency.

Cite as: Polyakov, D. B. (2024) [The political philosophy and ontology of autonomous zones]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 87–94. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-1-87>.

Введение

В июне 2020 г. на волне антирасистских протестов в США в одном из центральных районов Сиэтла, который известен как Капиталийский холм, левые активисты объявили о создании автономной зоны, освобожденной от полиции и основанной на принципах самоуправления. Просуществовав около месяца, этот политический эксперимент завершился так же стремительно, как и начался – конечно, не без полицейского вмешательства. Эта автономная зона может рассматриваться как одна из попыток реализации локального анархического, безгосударственного ареала, организованного в пространстве государственности, что так или иначе отсылает нас к теории анархизма, особенно к ее современным вариациям. Не только потому, что принципы самоорганизации и самоуправления, исповедуемые активистами Сиэтла, были и остаются приоритетными в анархизме, но и потому, что сам термин «автономная зона» взят из анархистского лексикона. В частности, из текстов Хаким Бея – довольно эпатажной и неоднозначной фигуры среди теоретиков анархизма рубежа XX и XXI вв.

Историк и поэт Питер Ламборн Уилсон, написавший множество поэтических, публицистических и философских работ под псевдонимом Хаким Бея, скончался от сердечного приступа в мае 2022 г. За год до этого на русском языке было издано его историческое исследование, посвященное пиратским политическим экспериментам XVII вв. – «пиратским утопиям», которые пытались реализовать принявшие ислам европейцы на территории нынешнего Марокко [9]. Именно подобные вольные анклав корсаров и беглых преступников послужили вдохновляющим примером для артикуляции концепции временных автономных зон (ВАЗ), по признанию самого Бея/Уилсона (Джозеф К. Грир предполагает, что под именем

Уилсона публиковались сугубо исследовательские работы по религии и поэзии, тогда как псевдонимом подписывались провокационные статьи анархистского, мистического и эротического содержания [12, с. 170]). В свою очередь, преимущественно эта концепция стала устойчиво ассоциироваться с фигурой Хаким Бея.

Что касается его биографии, в том числе и интеллектуальной, то краткий, но информативный ее обзор представлен в своеобразном русскоязычном эссе-некрологе, опубликованном на сайте интернет-журнала «Akrateia»¹. Кроме того, эволюция взглядов и концептуальное развитие творчества Хаким-Бея отражено в довольно содержательной статье Л. Уильямса [15], на которую мы, среди прочего, будем опираться вкуче с работой упомянутого Дж. К. Грира об оккультских источниках идей Бея.

То, что предшествовало оформлению концепции ВАЗ к середине 1980-х гг., можно разместить в двух контекстах. Во-первых, политический и интеллектуальный дискурс, сложившийся за два десятка лет со времен мятежных 60-х гг. XX в. Практики и идеи новых левых, ситуационистов и автономистов как бы отзеркаливались в академической среде работами о микрополитике, рассеянных властных отношениях, кризисе метанарративов, а также деконструкции бинарной и иерархической логики. В свою очередь, этот интеллектуальный бэкграунд, ставший известным благодаря термину «постструктурализм», отразился в недоверии к универсальному проекту Революции (чему также способствовало разочарование в опыте СССР и деятельности западных левых партий) и сместил акценты в сторону локалистских практик, множественных восстаний, политизации воображения, желаний и т. п. Что касается анархизма, то такое смещение акцентов лаконично описала Р. Кинна, хотя

¹ Королев Р. Собиратель ересей: ключевые идеи анархиста Хаким Бея (Питера Ламборна Уилсона) от пиратских утопий до поэтического терроризма // AKRATEIA [сайт]. – 2022. – URL: <https://akrateia.info/sobiratel-eresej-klyuchevye-idei-anarhista-hakim-beya/> (дата обращения: 01.08.2023).

и по несколько иному поводу: «Переформулированная таким образом дилемма перемещается из плоскости политического выбора между двумя образами жизни – государством и анархией – в пространство, где в рамках государственной системы стимулируются альтернативные властническим и иерархическим принципам либертарные политические, социальные и культурные проекты. Это предполагает трансформацию предоставляемых государством услуг путем воспроизведения и имитации альтернатив, а не воспроизведение этих услуг некими иными способами» [5, с. 264].

Другим контекстом служит творчество самого Хакима Бея, в частности его подход к описанию природы реальности, названный им онтологической анархией. Исследуя истоки такого подхода, Грир усматривает их в пародийной религии дискордианства, возникшей еще в 1950-е гг. и исповедовавшей культ Эриды (греческой богини хаоса и раздора), а также в даосизме, ницшеанстве и некоторых эзотерических учениях. Все эти традиции и тексты, синтезированные и прочитанные в анархическом ключе, в итоге кристаллизовались, по мнению Грира, в беевском онтологическом анархизме, который на самом фундаментальном уровне подрывает легитимность и авторитет любой гегемонии, любого установленного закона. Всякий фиксированный порядок (включая тот, который моделировали классики анархизма на замену государственности) объявляется опасной иллюзией, которая становится реальностью посредством насилия и принуждения, подавляя любые иные альтернативы. «Онтологическая анархия отвечает на это, – провозглашал Бей, – что в хаосе не может “существовать” никакое “государство” и что любые онтологические притязания являются ложными, если их объектом не является хаос <...>, а следовательно, руководство невозможно ни в каком виде» [2, с. 156].

Хаос подразумевает чистую потенциальность, а вместе с ней и стремление к ничем не ограниченному творчеству, которое в текстах Бея наделяется чуть ли не магическим статусом, поскольку творчество даже в большей мере, чем социальный или политический протест, способно «взломать» иллюзию порядка и навязанных им образов жизни и мышления. Отсюда проистекает обоснование специфических эстетико-политических тактик вроде «поэтического терроризма» и «искусства-саботажа» – очевидный реверанс в адрес французских ситуационистов, равно как и апология политизированных флешмобов и перформансов с присущими им образностью, игровыми и карнавальными чертами (к слову, оригинальный сравнительный анализ концепций карнавала у Хакима Бея, М. М. Бахтина и философа-ситуациониста Р. Ва-

нейгема представлен в статье Г. Гриндона [13]).

Описанные схематично, эти подступы к концепции временных автономных зон еще будут нами реактуализированы, когда речь пойдет о тенденциях, присущих современным изысканиям в области онтологии. Здесь же, в завершение вводной части, следует обозначить поставленную настоящим исследованием цель как попытку встроить разработанные Хакимом Беем понятия онтологической анархии и автономных зон в то теоретическое пространство, которое сформировалось благодаря некоторым современным подходам в области онтологии (спекулятивный материализм, объектно-ориентированная онтология и акторно-сетевая теория). Эти подходы в свою очередь можно с долей условности считать отражением постнеклассического научного миропонимания, фиксирующего абсолютный характер нелинейности и неопределенности развития, возникновение порядка из хаоса, спонтанную природу структурогенеза и т.п., что и придает актуальность нашему рассмотрению анархистской онтологической оптики, которая не только созвучна современной научной картине мира, но и пытается решить важную эτικο-политическую проблему – проблему *предельных* оснований институциональной политической власти.

Автономия в «трещинах» порядка

Сам Хаким Бей признавал в одном из поздних интервью, что не является первооткрывателем или изобретателем автономных зон, ограничившись лишь их наименованием и попросту признанием существования такой «социологической реальности», когда «группы людей собираются вместе, чтобы максимизировать некий концепт свободы, разделяемой ими так же естественно, как и воздух, которым они дышат» [Цит. по: 15, с. 117]. Мы уже упоминали вдохновлявшие Бея пиратские утопии, но образчики временной автономной зоны или, по крайней мере, черты таковой он усматривал также в поселениях ассасинов Средневековья, в Парижской коммуне (1871), в созданной итальянским поэтом и летчиком Г. д'Аннунцио вольной республике Фиуме (1919–1920), в Баварской советской республике (1919) и т.п. Все эти схожие с ними краткосрочные, временные эксперименты представляют собой пример высвобождения хаотической потенциальности, которая не устанавливается раз и навсегда, но вспыхивает непредсказуемым образом в разломах и пустотах «иллюзорной тотальности общества порядка» [2, с. 194].

В соответствии с тем, что мы обозначили выше как разочарование в глобальном проекте грядущей революции, вслед за которой на практике воссоздаются прежние структуры господства или возникают

еще более жесткие, Бей также находит подобный проект неуместным и противопоставляет ему риторику восстаний и «вечного мятежа». Напомним, что концепция временных автономных зон разрабатывалась с середины и до конца 1980-х гг. и предлагалась Беем в качестве альтернативы как потребителю обществу капиталистического Запада, так и идеологизированным обществам социалистического Востока. И в том и в другом случае лобовое столкновение с государством делает альтернативу зримой, фиксируемой и, в конечном счете, уничтожаемой – либо с помощью поглощения капиталом и отоваривания, либо благодаря банальным репрессиям.

Временная автономная зона же уподобляется Беем такому восстанию, которое не идет на прямой конфликт с государственной властью, однако стремится «отбить определенную территорию (участок земли, промежуток времени или область воображения), после чего ей надлежит раствориться, чтобы возникнуть вновь уже в другом месте/времени *еще до того*, как Государство успеет обрушить на нее всю свою мощь» [2, с. 102]. И далее: «ВАЗ существует не только вне досягаемости контроля, но и за рамками всяких определений, вне доступности взглядов или ярлыков, которые суть акты порабощения, за пределами государственного понимания и государева *ока*» [2, с. 137]. Именно поэтому автор, во-первых, оговаривается, что не намерен давать четких дефиниций временной автономной зоне и лишь очерчивает ее контуры, а во-вторых, описывает ее в качестве своеобразной тактики исчезновения, в том числе из поля зрения СМИ.

Позднее, в одном из текстов 1993 г. Хаким Бей предлагает читателям осмыслить «эмпирический факт»: временный характер – не обязательная черта для автономных зон; некоторые из них вполне могут иметь устойчивый характер, становясь тем самым постоянными – ПАЗ. «Какие-то из трещин в Вавилонском Монолите настолько пусты, что целые группы могут проникнуть в них и там поселиться» [2, с. 213]. Подобные поселения, сообщества или коммуны, однако, неотделимы от многочисленных временных автономных зон, составляющих своего рода сеть, в которой ПАЗ выполняет функцию узла, а ее назначением должно стать «постоянное усиление, бесконечное растяжение во времени всех радостей – и опасностей – присущих ВАЗ» [2, с. 217–218]. Очевидным образом, постоянные автономные зоны здесь вторичны по отношению к временным. И все же впоследствии такое разграничение было скептически воспринято некоторыми теоретически близкими Беем авторами.

Так, один из представителей постанархистской теории Р. Дэй, в целом симпатизирующий идеям Хаким Бей, считал подозрительной саму дихотомию

«временное – постоянное». Не говоря даже о том, что идея постоянства, пусть даже и в режиме автономии, кажется, противоречит онтологическому анархизму с его непрерывной подвижностью, изменчивостью и хаотичностью, постоянные автономные зоны «всегда должны осознавать опасность как изолированности, так и популярности и умудряться в течение нескольких лет или даже десятилетий поддерживать уровень интенсивности, связанный с ВАЗ» [11, с. 163–164]. Никакое пространство, автономное оно или нет, не может всегда оставаться устойчивым; более того, на это изначально не стоит рассчитывать. Дэй предлагает говорить о полупостоянной автономной зоне (Semi-Permanent Autonomous Zone), чтобы как-то концептуализировать выход из указанной дихотомии. Этим несколько неуклюжим термином Дэй пытается описать модель автономного сообщества, которая «позволяет создавать здесь и сейчас не гегемонистские альтернативы неолиберальному порядку с прицелом на то, чтобы пережить опасности захвата, эксплуатации и разделения, неизбежно возникающие изнутри и навязываемые извне» [11, с. 164].

Что касается полноценной критики концепции автономных зон и других идей Хаким Бей, то чаще всего в этой связи встречается имя М. Букчина (1921–2006) – теоретика «зеленого» анархизма, эколога и публициста – и его небольшая работа «Социальный анархизм или анархизм образа жизни» (на языке оригинала имеет подзаголовок: «Непреодолимая пропасть»). Посвящен этот текст разоблачению новых форм анархизма, их якобы чисто гедонистической и индивидуалистической сущности и, в конечном счете, буржуазности. И Хаким Бей здесь является одной из главных мишеней для Букчина, который называет его «одним из самых неприятных примеров анархизма образа жизни». ВАЗ же описывается им всего лишь как безопасный уход из реальности, «пассивное событие», «кратковременный оргазм» и восстание инфантильного воображения, не способное ни малейшим образом повлиять на реальность – даже на реальность индивида. Странники такого анархизма «“автономны” не более чем движения на фондовом рынке, колебание цен и другие обыденные аспекты буржуазных отношений» [4, с. 38, 43, 79]. Игнорирование социально-классовой проблематики и эскапизм, эстетство и обскурантистский мистицизм, неприятие коллективного действия и общественной солидарности – таков в общих чертах стандартный набор обвинений в адрес Хаким Бей не только со стороны Букчина, но и некоторых других авторов: Ш. Шиена, Дж. Армитиджа и Б. Фрэнкса.

Следует сказать, что такая критика действительно имеет основания и поводы для нее без труда можно

найти в высказываниях Бея – скажем, когда он называет естественной социальной моделью онтологического анархизма банду подростков или шайку грабителей, а к примерам ВАЗ относит дружескую вечеринку или званый ужин (в данном случае Бей ссылается на американского индивидуалиста С. П. Эндрюса (1812–1886), считавшего салонные вечера и собрания идеальным примером социального взаимодействия). С другой стороны, находятся основания и для контраргументов. Так, Уильямс справедливо указывает, что концепция ВАЗ стала реакцией именно на провал традиционной, классово ориентированной политики левых радикалов [15, с. 124]. Дэй, в свою очередь, настаивает на наличии социального измерения в работах Хаким Бея, пускай его подход к конструированию социальных связей и кажется (а, по сути, и является) предельно неортодоксальным [11, с. 162]. Наконец, С. Ньюман – ведущий теоретик постанархизма (название этого направления восходит к эссе Бея) – усматривает в критике Букчина «безнадежную ностальгию» по якобы подлинному анархизму прошлого, а отчасти и высокомерие по отношению к значительной части молодежи, которая вовлечена в радикальную антиавторитарную политику и в пику предпочтениям Букчина читает современных авторов вроде М. Фуко или Г. Дебора [14, с. 143].

Как бы то ни было, сам Хаким Бей после распада СССР и глобального распространения капитализма стал считать ВАЗ чем-то мало актуальным, хотя и остающимся важным тактическим механизмом для формирования радикальной культуры и мышления. В новых реалиях вновь стало необходимо мыслить стратегически, и эту революционную стратегию Бей, исходя из давнего интереса к неортодоксальному исламу, называет «джихадом».

Поскольку дальнейшие философско-политические поиски Хаким Бея не входят в тематическую «орбиту» нашего исследования, следует перейти к заявленным в аннотации задачам. Отметим лишь, что концепция ВАЗ нашла отклик не только в контркультурной среде (которую так недолюбливал Букчин) и у апологетов неподконтрольного киберпространства (которое, как ни странно, недолюбливал сам Бей), но и в академической сфере. «К идее ВАЗ, – констатирует Р. Королев, – обращаются не только авторы многочисленных гендерных и этнических исследований, но и книги о велопробеге “Критическая масса” (ведь это “автономная зона”, свободная от автомобилей), кэмпингах (ведь это место, где автомобилисты могут обособиться от общества), и даже общении глухих людей (ведь жестовый язык – это тоже “автономная зона” своего

рода)»². Заполняя на короткое время «трещины в монолите общепризнанной реальности» [9, с. 10], разворачиваясь «во фрактальных измерениях, невидимых для картографии Контроля» [2, с. 106], автономные зоны не просто демонстрируют образы жизни, альтернативные закостенелым властническим и обыденным отношениям, не только делают политику более осязаемой и непосредственно зависящей от людей. Будучи манифестацией онтологической анархии, их философия получает новое и актуальное звучание в связи с некоторыми установками, которые мы находим в современных, или новых, онтологиях.

ВАЗ + ООО + АСТ

Об анархистских (или акрагических) мотивах, которые пронизывают ряд новейших онтологических теорий, в русскоязычном академическом пространстве сказано и написано немного. Тем ценнее редкие возможности увидеть эту умалчиваемую, мало кем признаваемую связь. Например, в статье об анархистских основаниях новых материализмов М. Рахманинова не только высвечивает эту связь, прочитывая через акрагическую оптику таких современных онтологов, как Д. Харауэй, Д. Беннет и К. Барад, но и пытается вскрыть причины того, почему эта очевидная корреляция с онтологией, эпистемологией и этикой анархизма не артикулируется отчетливым образом [8]. И раз уж такой маршрут намечен, мы также постараемся сделать по нему несколько шагов.

Так, чуть ли не буквальную переключку с беевской онтологической анархией мы находим в одной из работ К. Мейясу – знаковой фигуры спекулятивного поворота в континентальной философии XXI в. Атакуя онтологический регистр принципа достаточного основания, Мейясу доказывает, что именно отсутствие такого основания и является окончательным свойством всего сущего. И, более того, это свойство несколько не подрывает принцип непротиворечивости и даже устанавливает его в качестве онтологической истины, поскольку «непротиворечие не обозначает какую-нибудь фиксированную эссенциальность, а имеет в качестве онтологического смысла необходимость контингентности, иначе говоря, необходимость всемогущества Хаоса» [7, с. 102]. Отстаиваемая Мейясу контингентность определяется как чистая возможность, реализация которой никогда и ничем не гарантирована. Также и хаос в онтологии Бея «пуст как потенциал, а не исчерпанность (хаос как “сумма всех порядков”» [2, с. 51].

Что касается политического эффекта признания контингентности сущего, то его проговаривает сам

² Там же.

Мейясу, когда затрагивает тему идеологии, описывая ее как форму псевдорациональности и метафизики, назначение которой – убедить в том, что существующее действительно должно существовать с необходимостью. Критика оснований и необходимости, таким образом, влечет за собой критику всякой идеологии, по определению скрадывающей все многообразие альтернативных возможностей социально-политического опыта. И вывод Мейясу здесь вполне созвучен интенциям не только Хаким Бея, но и, пожалуй, современного анархизма в целом: «Догматизм, утверждающий, что именно этот Бог, или этот мир, или эта История, или, наконец, этот актуальный политический режим существует с необходимостью, и необходимо таков, каков он есть, – такой абсолютизм принадлежит эпохе мышления, к которой невозможно и нежелательно возвращаться» [7, с. 44].

В текстах представителей объектно-ориентированной онтологии (ООО) мы также обнаруживаем мотивы, которые при всех нюансах и оговорках можно назвать вполне созвучными анархизму. Присущая ООО апелляция к миру объектов, как к автономным и самодостаточным сущим, призвана обрушить иерархическую субъект-объектную рациональность, в условиях которой субъект, по сути, властнически определяет, что достойно объективации, а что нет. В противоположность этому подход Л. Р. Брайнта («онтикология») нацелен на своего рода демократическое уплощение – субъект сам становится объектом среди других объектов, вступающих друг с другом в отношения большей или меньшей интенсивности и продолжительности, но остающихся при этом автономными. Отношения между частями и целым также размещаются в горизонтальной плоскости, лишаясь какой-либо гармонии или тождества: «Вместо того чтобы мыслить в терминах гегемонистской обусловленности, онтикология предлагает мыслить в терминах запутанности объектов <...> объекты могут включаться в другие объекты, в то же время оставаясь независимыми, или автономными, от объектов, включающих их в себя. Такая мереология подрывает органические концепции общества и Вселенной, в которых все субстанции мыслятся как части органического целого» [3, с. 134, 154].

В социально-политическом контексте виденье Брайнта достаточно явно резонирует с беевской критикой иллюзорной социальной тотальности и единства, которое «представляет себя неуязвимым – но слабость его очевидна, как только мы замечаем, что оно не отражается в непосредственном, живом опыте»

[2, с. 265]. А предельным выражением такого живого опыта – или «иммедиатизма», по терминологии Бея, – как раз и могут выступать автономные зоны, которые, подобно объектам в онтикологии Брайнта, переплетаются и пересекают друг друга, образуя относительно постоянные узлы и сцепления в непрерывно пульсирующей сети. Здесь мы можем провести параллель и с основоположником акторно-сетевой теории (АСТ) Б. Латуром, фактически вдохновившего Брайнта (и не только его) на артикуляцию плоскостной онтологической матрицы³.

В частности, социология Латура уравнивает понятия «микро» и «макро», а точнее низводит последнее до такого же локального «микро»-места, связанного со множеством других. «Ни о каком месте нельзя сказать, что оно больше любого другого, но о некоторых местах можно сказать, что они выигрывают от гораздо более надежных связей с гораздо *большим числом* мест, чем другие. <...> то, что раньше – в дореволюционной социологии – располагалось “выше” или “ниже”, теперь находится рядом, на том же уровне, что и другие места, на которые пытались смотреть сверху вниз и которые включали внутрь» [6, с. 247]. Заменяя латуровские «“микро”-места» на «автономные зоны» или локальные сообщества, накладывая АСТ на концепцию ВАЗ, мы можем получить уже не столько социологически и философски обоснованную парадигму онтологической анархии, сколько предпосылки и ресурсы для разработки полноценной *анархистской политической онтологии*.

Заключение

Даже не рефлексировав на такие темы, как онтологическая анархия, хаос или контингентность, стоит признать, что неопределенность, нелинейность и нестабильность – это действительные, отчетливо переживаемые нами сегодня характеристики существования, которые проявляются от эпидемий и военных конфликтов до угрозы ядерной катастрофы и экологического коллапса. Значит ли это, что онтологический анархизм приветствует подобные эксцессы?

Речь идет не о том, что стабильность и постоянство невозможны в принципе, но о том, что зачастую – и в настоящее время это становится все более очевидным – они достигаются сомнительными средствами и требуют для своего поддержания определенных, даже неоправданных жертв: прав, свобод, а порой и жизней. С другой стороны, анархизм не настаивает на абсолютной «беспочвенности», но говорит лишь

³ В контексте разрабатываемой в настоящей статье темы, а также в целях дальнейших исследований можно отметить, что Л. Р. Брайнт в 2013 г. выступил как автор в одном из номеров журнала «Anarchist Developments in Cultural Studies», представив текст под названием «Гравитация вещей. Введение в онто-картографию» [10].

о смещении оснований, их непрерывной изменчивости и вариативности, которая мотивирует людей на креативность в со-бытии, подвижности и открытости мышления, взаимопомощи и большей коммуникации друг с другом, чем с обезличенными бюрократическими институтами.

Уильямс находит, что тексты Хаким Бея оставляют ощущение нехватки и ограниченности. Вероятно, за витиеватым метафорическим языком, воспеванием «психического номадизма», призывами к игре и карнавалу, действительно кроется не более чем «лишь смутная надежда на то, что хоть какое-то просветление лучше, чем ничего» [15, с. 130]. И все же автономные зоны, вне зависимости от того, насколько они *на самом деле* автономны от тотальности контроля и управления, – не самый плохой концепт и не самая плохая практика в условиях, когда государство, сле-

дующая присущей ему структурной логике постоянства и стабильности, стремится к схватыванию не только физических пространств и тел, но и чувств, мыслей, воображения. Именно в философском обосновании тактик ускользания от подобной экспансии (или, по крайней мере, в попытке такого обоснования), на наш взгляд, и заключена ценность настоящей работы⁴.

«Власть, государство, положение вещей; это то, что претендует на монополию возможностей, – утверждает французский философ А. Бадью. – Это не просто то, что управляет реальным. Но и то, что указывает, что возможно, а что – нет» [1, с. 18]. И если так, то в этой, казалось бы, патовой ситуации нам вместе с Хаким Беем остается парировать единственно оставшимся стратегическим вопрошанием: чего еще мы должны стремиться достичь, если не “невозможного”?

Литература

1. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. – 192 с.
2. Бей Х. Автономные зоны: Временные и постоянные. – СПб.: CHAOSSS/PRESS, 2020. – 351 с.
3. Брайант Л. Р. Демократия объектов. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
4. Букчин М. Социальный анархизм или анархизм образа жизни. – М.: Самоопределение, 2013. – 95 с.
5. Кинна Р. Никакой власти: Теория и практика анархизма. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 424 с.
6. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
7. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
8. Рахманинова М. Д. Анархистские основания новых материализмов: между Урсолой Ле Гуин и Донной Харауэй // Апология безвластия: анархистская альтернатива решения социальных проблем / науч. ред. П. И. Талеров. – СПб.: РХГА, 2022. – С. 192–214.
9. Уилсон П. Л. Пиратские утопии: Мавританские корсары и европейцы-ренегаты. – М.: Гилея, 2021. – 320 с.
10. Bryant L. R. (2013) The Gravity of Things. An Introduction to Onto-Cartography. In: Anarchist Developments in Cultural Studies, *Ontological Anarché: Beyond Materialism and Idealism*, № 2, pp. 10–30.
11. Day R. J. F. (2005) *Gramsci is Dead: Anarchist Currents in the Newest Social Movements*, London: Pluto Press, 255 p.
12. Greer J. (2013) Occult Origins. Hakim Bey's Ontological Post-Anarchism. In: Anarchist Developments in Cultural Studies, *Ontological Anarché: Beyond Materialism and Idealism*, № 2, pp. 166–187.
13. Grindon G. (2004) Carnival Against Capital: A Comparison of Bakhtin, Vaneigem and Bey, *Anarchist Studies*, Vol. 12(2), pp. 147–161.
14. Newman S. (2010) *The Politics of Postanarchis*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 208 p.
15. Williams L. (2010) Hakim Bey and Ontological Anarchism, *Journal for the Study of Radicalism*, Vol. 4, No. 2, pp. 109–137, <https://doi.org/10.1353/jsr.2010.0009>.

References

1. Badiou, A. (2013) *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyu Alena Bad'yu* [Philosophy and Event. Conversations with a brief introduction to the Alain Badiou's philosophy]. Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 192 p.

⁴ На ее основе, безусловно, возможны дальнейшие исследования с опорой на те или иные теоретические импликации постнеклассической парадигмы (синергетика, постгуманизм и т. д.).

2. Bey, H. (2020) *Avtonomnye zony: Vremennye i postoyannye* [Autonomous zones: Temporary and permanent]. Saint-Petersburg: CHAOSSS/PRESS, 351 p.
3. Bryant, L. (2019) *Demokratiya ob'ektov* [Democracy of objects]. Perm: Gile Press, 320 p.
4. Bookchin, M. (2013) *Social'nyj anarhizm ili anarhizm obraza zhizni* [Social anarchism or lifestyle anarchism]. Moscow: Self-determination, 95 p.
5. Kinna, R. (2022) *Nikakoj vlasti: Teoriya i praktika anarhizma* [The Government of No One: The Theory and Practice of Anarchism]. Moscow: Alpina non-fiction, 424 p.
6. Latour, B. (2020) *Peresborka social'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [The reassembly of the social. Introduction to actor-network theory]. Moscow: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 384 p.
7. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobhodimosti kontingentnosti* [After finiteness: An essay on the necessity of contingency]. Ekaterinburg; Moscow: Cabinet scientist, 196 p.
8. Rahmaninova, M. D. (2022) [The anarchist foundations of the new materialisms: between Ursula Le Guin and Donna Haraway]. *Apologiya bezvlastiya: anarhistskaya al'ternativa resheniya social'nyh problem* [Apology of anarchy: an anarchist alternative to solving social problems]. Sankt-Peterburg: RHGA, pp. 192–214. (In Russ.).
9. Wilson, P. L. (2021) *Piratskie utopii: Mavritanskije korsary i evropejcy-renegaty* [Pirate utopias. Moorish corsairs & european renegadoes]. Moscow: Gileya, 320 p.
10. Bryant, L. R. (2013) The Gravity of Things. An Introduction to Onto-Cartography. *Anarchist Developments in Cultural Studies, Ontological Anarché: Beyond Materialism and Idealism*. Vol. 2, pp. 10–30. (In Engl.).
11. Day, R. J. F. (2005) Gramsci is Dead: Anarchist Currents in the Newest Social Movements. London: *Pluto Press*, 255 p.
12. Greer, J. (2013) Occult Origins. Hakim Bey's Ontological Post-Anarchism. In: *Anarchist Developments in Cultural Studies*. Vol. 2. *Ontological Anarché: Beyond Materialism and Idealism*, pp. 166–187.
13. Grindon, G. (2004) Carnival Against Capital: A Comparison of Bakhtin, Vaneigem and Bey. *Anarchist Studies*. Vol. 12.2, pp. 147–161. (In Engl.).
14. Newman, S. (2010) The Politics of Postanarchism. Edinburgh: *Edinburgh University Press*, 208 p.
15. Williams, L. (2010) Hakim Bey and Ontological Anarchism. *Journal for the Study of Radicalism*. Vol. 4, No. 2, pp. 109–138. – <https://doi.org/10.1353/jsr.2010.0009> (In Engl.).

Информация об авторе:

Дмитрий Борисович Поляков, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, Чита, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1435-6679

e-mail: poldmit89@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 06.08.2023; принята в печать: 29.01.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dmitry Borisovich Polyakov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Humanitarian sciences, Zabaikal Railway Transport Institute, a branch of Irkutsk State Transport University, Chita, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1435-6679

e-mail: poldmit89@mail.ru

The paper was submitted: 06.08.2023.

Accepted for publication: 29.01.2024.

The author has read and approved the final manuscript.